ГЕОРГИЙ ТАРАТОРКИН. ПОРТРЕТ БЕЗ ПАФОСА

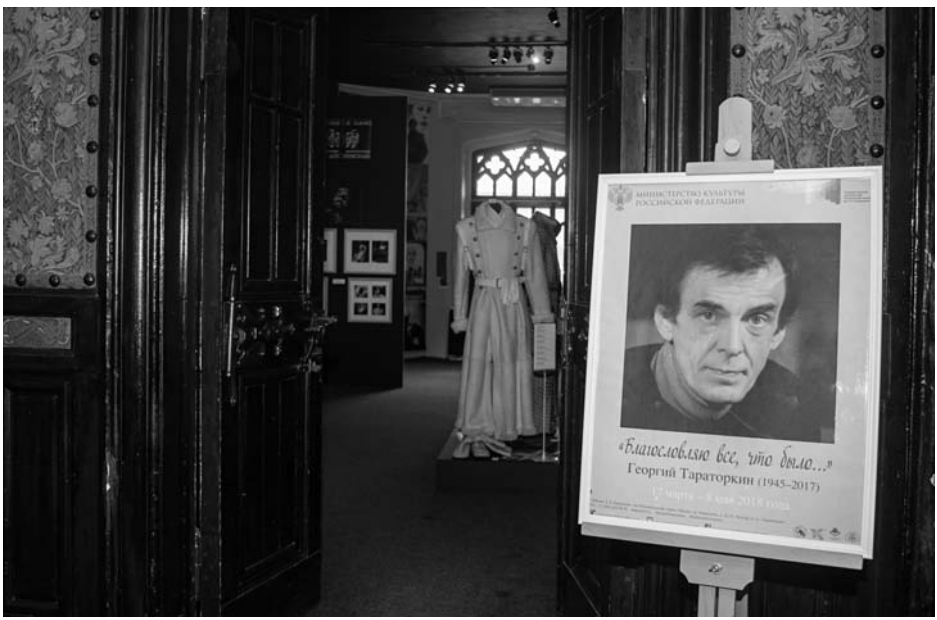
«Благословляю всё, что было...». Выставка в ГЦТМ имени А.А. Бахрушина

Георгия Георгиевича не стало чуть больше года назад, 4 февраля 2017-го. И хотя это явилось следствием тяжелой продолжительной болезни, смириться с кончиной одного из наиболее почитаемых публикой и уважаемых прессой российских артистов было нелегко.

Ведь, кажется, совсем недавно, в 2015-м, Москва тепло принимала «**Римскую комедию**» **Л.Г. Зорина** в **Театре имени Моссовета** в постановке **Павла Хомского** с ним, **Георгием Тараторкиным**-Дионом — опальным поэтом, стремившимся в любых, даже самых безвыходных ситуациях оставаться самим собой. И вот уже эта работа народного артиста РСФСР — принадлежность истории. Исполненный благородства и достоинства финальный аккорд его судьбы. Судьбы яркой, богатой знаковыми событиями для артиста, которые нередко оборачивались таковыми и для отечественного театра в целом. А потому, имеющей полное право на то, чтобы оказаться предметом экспозиции в главном театральном музее страны и быть размещенной в основном здании ГЦТМ имени А.А. Бахрушина, в одном из его центральных залов.

Наверное, закономерно, что, приступая к реализации проекта, куратор вы-

«Благословляю все, что было…». Фрагмент экспозиции



Филипп Тараторкин

ставки **Марина Багдасарян** выбрала «**Восьмигранник**». Все-таки именно это небольшое и очень уютное пространство определило стиль выставочной композиции. Композиция получилась торжественной, но не пафосной, компактной и вместе с тем насыщенной примечательными экспонатами. Это сценические костюмы Георгия Георгиевича, его фотографии в ролях и в жизни, и даже подлинный эксклюзив — альбомы с вырезками из статей об артисте, собранными поклонником его таланта.

Все это как нельзя лучше соответствовало индивидуальности героя выставки, от которого никогда нельзя было услышать каких-либо жалоб на невостребованность. Наоборот, в единичных высказываниях и в интервью Георгия Тараторкина доминировала благодарность — вероятно, поэтому авторы выставочной композиции предпослали своему начинанию строку горячо любимого артистом Александра Александровича Блока. Вдобавок ни на сценических подмостках, ни в своих кинематографических и телевизионных опытах ради того, чтобы сосредоточить зрительское внимание на важных, по его мнению, аспектах, Тараторкин не форсировал голос, ничего специально не акцентировал — ему для этого достаточно было лишь паузы или взгляда. К тому же каждая роль Георгия Георгиевича ассоциировалась с некими «айсбергами». В результате у нас появлялся повод для длительных размышлений после просмотра спектакля или фильма с участием Тараторкина, занимавшегося еще и активной педагогической деятельностью во ВГИКе, и деятельностью общественной, будучи секретарем СТД РФ, президентом Национального фестиваля и премии «Золотая Маска». Так что «Восьмигранник» в данном случае подошел и по причине разнообразия интере-

Фрагмент экспозиции

сов Тараторкина, чей импровизированный «портрет» организаторы выставки представили максимально объемно, для того, чтобы мы могли оценить масштаб его личности. И, прежде всего, — попытались бы посредством внимательного изучения обширного фотоматериала проанализировать творческие достижения Георгия Тараторкина, большинство которых, думается, не могли бы состояться без определенных качеств характера артиста.

К примеру, без максимализма, берущего свои истоки в детстве и юности Георгия Георгиевича (судя по выставленным в стеклянных витринах документам, едва ли не отличника) вряд ли им были бы созданы требующие «полной гибели всерьез» образы **шекспировского Гамлета** и **пушкинского Бориса Годунова** (на сцене ведомого **Зиновием Корогодским Ленинградского ТЮЗа**) или **Раскольникова** в снятом **Львом Кулиджановым** киноварианте «**Преступления и наказания**» и постановке этого романа **Ф.М. Достоевского** в **Театре имени Моссовета** в режиссуре **Юрия Завадского**. Кстати, когда в 1974-м Тараторкин был приглашен в столичную труппу, то дал согласие на переход при условии, что ему разрешат доигрывать свои ленинградские спектакли, и Завадский на это согласился, объяснив просьбу артиста его обостренным чувством долга перед коллегами. Не чувствуй Георгий Георгиевич, что это такое, не удалось бы ему даже не сыграть, а в буквальном смысле прожить на экране «предлагаемые обстоятельства» роли врача «Скорой помощи» **Евгения Павловича** в картине **Аждара Ибрагимова** «**Дела сердечные**». Не обладай Тараторкин исключительной порядочностью, рыцарским отношением к женщине, не был бы столь убедителен в ролях **Петра Шмидта** в спектакле того же Ко-

рогодского в **Ленинградском ТЮЗе** «**После казни прошу...**» **В.Г. Долгого** и **Сирано де Бержерака** в одноименной телеверсии пьесы **Э. Ростана** режиссера **Сергея Евлахишвили**. Наверняка не все посетители ГЦТМ до прихода на выставку знали о том, что Георгий Георгиевич, плотно занятый в репертуаре своего родного Театра имени Моссовета, периодически ездил в **Иркутск**, чтобы сыграть адмирала **Колчака** в спектакле местного драматического театра. Это свидетельствует об отсутствии в натуре Тараторкина потребности исключительно в столичном успехе, о желании прикоснуться к биографии близкого ему по духу легендарного исторического лица. Сумел артист сохранить признательность тем, кто более других способствовал его профессиональному и человеческому росту. И особенно — Зиновию Яковлевичу Корогодскому, чей курс в студии при Ленинградском ТЮЗе он окончил в 1966-м. Тараторкин не предал своего учителя в суровые для режиссера дни. Снимки, где Тараторкин запечатлен рядом с Корогодским, в очередной раз напоминают о теплоте и искренности их многолетнего общения. А фотографии из семейного архива Георгия Георгиевича убеждают в том, что «роль» мужа, отца, деда он ценил не меньше, чем служение искусству, которому был верен полвека.

Майя ФОЛКИНШТЕЙН
Фотографии Александры АВДЕЕВОЙ

КАЖДЫЙ СПОСОБЕН ВЫЗВАТЬ ДОЖДЬ

К **110-летию** со дня рождения **Леонида Варпаховского** в **Мемориальном музее** «**Творческая мастерская театрального художника Д.Л. Боровского**» открылась выставка, посвященная сотворчеству двух выдающихся мастеров.

Их имена и в названии экспозиции — «**Боровский — Варпаховский**», и в представленных здесь документах. В письмах режиссера и художника между деловых строк о планировках и «сочинительстве» спектаклей читаются отношения близких по духу людей, искренних друзей. Их совместные и осуществленные работы уложились в счастливое число семь. Всем, кто пришел в мастерскую Давида Боровского в день открытия выставки, и кто заглянет сюда позднее, предоставлена возможность погрузиться в сложный творческий процесс. Режиссерские эскизы спектаклей, расписанные рукой Варпаховского подобно партитурам музыкальных произведений, соединяются с эскизами костюмов и декораций Боровского и дополняются фотографиями сыгранных позднее премьер. Среди них «**На дне**» **М. Горького** в **Театре им. Леси Украинки** (Киев, 1963), «**Оптимистическая трагедия**» **Вс. Вишневского** в **Малом театре** (1967), «**Дни Турбиных**» **М. Булгакова** во **МХАТе им. М. Горького** (1967), «**Выбор**» **А. Арбузова** в **Театре им. Евг. Вахтангова** (1971)... За скобками остались незавершенные спектакли «**Дом, где хлопают двери**» **Ж. Фермо** и «**Трехгрошовая опера**» **Б. Брехта** (Театр им. Леси Украинки, 1963 и 1964), «**Шестое июля**»